

Перевооружение и ядерный порог

(начало на стр. 1)

New York Times сообщает, что в марте в Вашингтоне был утверждён пересмотр стратегии сдерживания с учётом «быстрого расширения» ядерного арсенала Китая, более быстрого, чем предсказывала американская разведка всего два года назад. Си Цзиньпин, как сообщается, решил отказаться от существовавшей десятилетиями стратегии ограничения себя «минимальным ядерным сдерживанием» – голлистской доктриной достаточной обороны, – чтобы вместо этого достичь или превзойти арсеналы Вашингтона и Москвы. По оценкам Пентагона, Китай может развернуть 1000 боеголовок к 2030 году и 1500 к 2035-у, что соответствует оперативному уровню нынешних российских и американских средств.

Пранай Вадди, директор по контролю за вооружениями и ядерному распространению в Совете безопасности США, говорит, что впервые проводится детальная оценка того, готовы ли США ответить на ядерные кризисы, возникающие одновременно или последовательно, с помощью комбинации атомного и обычного оружия. Новая стратегия отвечает «необходимости одновременного сдерживания России, Китая и Северной Кореи». В прошлом предположение о том, что противники США могут «координировать ядерные угрозы», чтобы преодолеть американские силы сдерживания, казалось «далёкой». Но растущее партнёрство между Россией и Китаем и поставки обычных вооружений Москве Ираном и Северной Кореей «радикально изменили мышление в Вашингтоне».

Безусловно, конфликт в Украине внёс свою лепту. По мнению Ричарда Хааса, почётного председателя CFR, Россия «радикализовалась», и «идея о том, что ядерное оружие не может быть использовано в обычном конфликте, больше не кажется правдоподобной». Что касается Пхеньяна, то его арсенал сейчас оценивается в 60 боеголовок, что близко к уровню Пакистана и Израиля и достаточно для координации действий с Москвой и Пекином.

Однако реальным фактором изменений в игре остаётся атомное перевооружение Китая. Випин Наранг, до июля прошлого года помощник министра обороны США по космосу, противоракетной обороне и ядерному сдерживанию, был одним из координаторов пересмотра американской политики. В своей прощальной речи в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (CSIS) по случаю своего ухода из администрации он заявил, что наступает «новая ядерная эра», отличительной чертой которой станет «рост и диверсификация китайского ядерного арсенала». Когда историки будут говорить о «четверти века после холодной войны», они, вероятно, увидят в ней всего лишь «ядерную паузу» между первым актом – конфронтацией между США и СССР, в которой всё же присутствовали элементы сотрудничества и контроля над вооружениями, – и «новой и опасной эрой», когда договорные ограничения на атомные арсеналы «исчезнут вообще»; Вашингтон должен своевременно подготовиться, избрав «более конкурентный подход».

New York Times пишет, что большая часть новой американской политики остаётся засекреченной вплоть до официального обнародования, которое Джо Байден сделает до истечения срока своих полномочий. Ряд статей в *The Economist* опирается, видимо, на источники в администрации, начиная с самого Наранга, и имеет то достоинство, что ясно демонстрирует политико-стратегические ставки США: сохранение доверия к «расширенному сдерживанию» в Европе и Азии перед лицом «большого числа противников, новых технологий и менее доверяющих союзников».

Как пишет *The Economist*, Пентагон предупредил, что эпоха «ядерной деэскалации» после холодной войны закончилась; вместо неё приходит «новое соперничество между ядерными и околюдерными державами», некоторые из которых «параноидальные». Это соперничество «более сложное и менее предсказуемое, чем старое биполярное противостояние между США и СССР», и поэтому «более опасное»: «Противостояние новым ядерным угрозам станет испытанием для Америки, пусть её ресурсы и истощены, а политика стала более изоляционистской. Она должна заверить союзников, что её ядерный зонтик по-прежнему защищает их. И, к сожалению, ей придётся расширять свой ядерный арсенал. Колебания на обоих фронтах будут способствовать распространению ядерного оружия среди врагов и друзей, что сделает США и весь мир менее безопасными».

В этом и заключается дилемма расширенного сдерживания. Перед каждым президентом США встаёт вопрос: «*Пожертвуете ли вы Лос-Анджелесом, чтобы отомстить за Сеул? И верят ли в то, что вы это сделаете, ваши враги?*» Те же дилеммы стоят и перед союзниками: «*Они знают, что изоляционистский популизм не покинет США, независимо от того, кто займёт Овальный кабинет в следующем году. Они знают, что силы США напряжены и что обещания расширенного сдерживания менее убедительны, чем раньше. Если бы Южная Корея сомневалась в американском зонтике, то она могла бы создать свою бомбу, и 70 % корейцев считают, что так и следует поступить. Япония может последовать аналогичной логике. Европа обсуждает, достаточно ли ядерного оружия Великобритании и Франции для сдерживания России, если США выйдут из НАТО. Если у Ирана появится бомба, то и Саудовская Аравия может пойти тем же путём. Распространение ядерного оружия будет дестабилизировать обстановку; большее количество пальцев на красных кнопках увеличит вероятность ошибки в расчётах. Вероятность обычных войн также может возрасти, если некоторые страны попытаются помешать своим врагам преодолеть ядерный порог.*»

Важнейший политический вывод связан с перспективами предстоящего поединка между Камалой Харрис и Дональдом Трампом за президентское кресло. Отсутствие «*двухпартийного соглашения по расширенному сдерживанию*» вносит неопределённость. Байден попытался успокоить союзников, «*направив в Европу и Азию больше бомбардировщиков и подводных лодок с ядерными боеголовками*». Трамп и республиканцы-изоляционисты могут утверждать, что в этом больше нет необходимости, но «*они ошибаются*», расширенное сдерживание необходимо и в американских интересах в более узком смысле: Вашингтон «*контринтуитивно*» позволяет подставить себя под удар ядерного возмездия, чтобы «*защитить союзников за тысячи миль*», но при этом «*помогает избежать дестабилизирующего ядерного распространения*». Это обеспечивало безопасность США на протяжении восьмидесяти лет, и «*возможно, их противников тоже*»; «*в опасном мире было бы безрассудно позволить ядерному зонтику расползтись*».

Концепция предельно ясна; ключевая формула, заметим, заключается в том, что ядерное распространение необходимо предотвратить «*среди врагов и друзей*». Америка «*готовится к новой гонке ядерных вооружений*», – говорится в заголовке другой статьи *The Economist*; новые размещения могут начаться уже в 2026 году. Наранг настаивает, что у Вашингтона нет нужды преследовать своих противников «*боеголовка за боеголовкой*»; по мнению Франклина Миллера, бывшего сотрудника Пентагона, речь идёт об удвоении нынешнего арсенала, до 3000–3500 боеголовок. Но главный факт заключается в том, что речь идёт не только о беспрецедентном противостоянии с Китаем, который через десятилетие станет «*третьей ядерной сверхдержавой*». Речь также идёт о сдерживании перевооружения в Европе и среди союзников в Азии, в первую очередь в Корее и Японии.

Показательна следующая фраза, которой Пентагон, по мнению *The Economist*, предупреждает о новом соперничестве между ядерными и «*околоядерными державами*». В данном случае речь идёт о странах «*ядерного порога*», только теперь это касается не только противников, но участников системы союзов США.

Девяностолетний Карл Кайзер был лидером немецкой стратегической мысли, возглавляя DGAP, Немецкое общество внешней политики, в ключевые тридцать лет между 1973 и 2003 годами. В эссе для *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, написанном в соавторстве с Йоахимом Краузе из Института безопасности Кильского университета, Кайзер утверждает, что Германия никогда не «*пыталась всерьёз*» начать программу ядерного перевооружения, но что со времён канцлерства Конрада Аденауэра проводила «*двойственную политику*» в этом отношении, пытаясь оказать влияние на американскую политику. Все канцлеры с 1950-х до 1990-х годов придерживались этой линии, играя на опасениях Вашингтона, что у Германии могут появиться силы ядерного сдерживания, причём иногда с «*удивительными успехами*». Этот вопрос также имел большое значение в переговорах о воссоединении в формате 2+4: то, что в случае нейтрального статуса Германия должна будет обзавестись ядерным оружием, было одним из аргументов, которые Джеймс Бейкер приводил Михаилу Горбачёву, чтобы добиться согласия на вступление объединённой Германии в НАТО.

Основой этой двусмысленной политики была гражданская ядерная программа. В оценке ЦРУ 1963 года, рассекреченной в 2018-м, утверждалось, что Германия вряд ли проявит

«политическую волю» для получения атомного оружия, но *«амбициозная программа гражданского использования ядерной энергии»* приведёт Федеративную Республику *«на порог»* способности быстро обрести это оружие. Совпадение этого с жёсткой позицией Германии на переговорах по ДНЯО, Договору о нераспространении ядерного оружия, укрепило мнение Вашингтона о двойственном подходе Германии; с этого момента, пишет Кайзер, забота о том, чтобы избежать появления немецких сил сдерживания, стала *«основополагающей»* для американской политики в отношении Германии.

Кайзер резко критикует решение Германии отказаться от гражданской ядерной энергетики, которое он возводит к правительству СДПГ и зелёных Герхарда Шрёдера и Йошки Фишера 1999 года: с этим шагом возможность *«использования ядерной двойственности в качестве рычага в международной политике»* была *«утрачена»*. Отметим, что процесс вывода из эксплуатации гражданских ядерных объектов всё ещё продолжается и он обратим, и это может стать лакмусовой бумажкой для определения степени стратегической автономии Германии. Обратим внимание и на то, что Кайзер останавливается в своём изложении на заявлениях 1999 года, сделанных социал-демократами и зелёными, но окончательное решение было принято в 2011-м: здесь можно было бы усмотреть провал стратегической дальновзоркости Ангелы Меркель.

Показательно, что именно Наранг в своей книге 2022 года *“Seeking the bomb”* уделяет большое внимание сознательной политике Германии и Японии по использованию своего *порогового статуса* в ядерном перевооружении. Его тезис заключается в том, что Токио и Берлин, будучи *«формальными союзниками»* Вашингтона, сохранили *«и продолжают сохранять»* потенциальную ядерную программу как *«гарантию перед лицом риска того, что Штаты их покинут»*. Оба использовали угрозу перейти Рубикон атомного перевооружения как средство давления для получения *«уверенных гарантий»* от Вашингтона. Это влекло за собой двойную выгоду в виде *«крупных уступок»* со стороны США, а также – внимание – в виде достижения порогового статуса в условиях минимальной уязвимости, возникающей в том *«временном окне»*, когда другие государства ещё могут попытаться остановить их ядерное перевооружение. Томас Кляйн-Брокхофф, новый глава DGAP, начал исполнение своих полномочий с комментария, в котором слышна поддержка проекта ELSA по созданию европейских ракетных сил, согласованного Германией, Францией, Польшей и Италией. НАТО-Европа будет безопасной и *«не поддающейся политическому шантажу»* лишь до тех пор, пока возглавляемый США Атлантический альянс будет надёжно защищать её *«ядерным щитом»*. Перед лицом сомнений в американской надёжности *«НАТО-Европа, и, в особенности, её центральная держава, Германия»*, должна *«стать способной к самостоятельному конвенциональному сдерживанию»*. Ядерное сдерживание состоит как из боеголовок, так и из ракетного потенциала; формула *«конвенционального сдерживания»* также сохраняет свою двойственность, тем более что Берлин может использовать как немецкое *пороговое положение*, так и возможное *совместное использование ядерных сил* сдерживания Франции и Великобритании, чтобы перестраховаться на случай неудачи с американским зонтиком.

В 1980-х годах, в условиях зарождающейся многополярности, рейгановское перевооружение было направлено не только против СССР, но и на поддержание превосходства на всех направлениях, включая союзников. В планах Пентагона эта взаимосвязь, похоже, повторяется, но беспрецедентность заключается в том, что для противостояния Пекину США могут согласиться на ракетную автономию Европы и Японии, которая в условиях неоднозначности *порогового положения* может стать ядерной автономией. Мы подозреваем, что именно в этих частях новая политика США останется засекреченной.

Июль – август 2024 г.